

*Посвящается Джеффри,
первому герою, с которым я повстречалась.*

(начала все мы были преступниками.

На протяжении столетий обычные люди страшились нас, Одаренных. На нас охотились. Нас истязали. Унижали и притесняли. Нас считали ведьмами и демонами, называли уродами и скверной. Нас забрасывали камнями, вешали и сжигали, и безжалостные толпы собирались поглазеть на это, гордые, что в очередной раз сумели избавить мир от выродка.

Они боялись — и правильно делали.

На протяжении столетий. Кто бы выдержал такое?

Все изменил Ас Анархия. Он собрал и объединил самых сильных Одаренных, каких только мог найти, и поднял их на бунт.

Начал он с материальных объектов. Правительственные здания взлетали на воздух. Банки и биржи обращались в руины. Мосты он уничтожал с воздуха. Целые автострады превращал в каменистые пустоши. Армия поднимала в воздух реактивные самолеты — он сбивал их в воздухе, как мошек. Посланные против него танки он давил, как жестянки.

Потом он принялся за людей, которые его разочаровали. Которые разочаровали их всех.

Целые правительства — долой. Правоохранительные органы — разогнать. Все пафосные бюрократы и чинуши, купившие себе власть и влияние... все были мертвы — в считанные недели.

Восставших мало волновало, что придет на смену, когда старый мир погибнет. Их цель — только перемены, и они своей цели добились. Вскоре на руины старого мира повылезли шайки преступников, и каждый негодяй норовил урвать кусок власти и могущества. Вскоре влияние Аса Анархии начало распространяться по всему миру. Впервые в истории Одаренные сбивались в банды, одни были полны озлобления и ненависти, другие просто искали доброго отношения к себе, но так его и не дождались. Восставшие требовали справедливости, соблюдения прав человека, охраны законом — и перепуганные правительства некоторых стран торопливо шли на уступки.

Но в других странах мятежи становились все более жестокими, а насилие перерастало в анархию.

Воцарившийся хаос заполнял пустоту, возникшую на месте цивилизованного общества. Торговля была в упадке, производство практически развалилось. На всех континентах бушевали гражданские войны. Город Гатлон был почти полностью отрезан от мира, и долгие двадцать лет страх и недоверие правили в нем.

Это время называли Веком Анархии.

Сейчас, оглядываясь назад, люди говорят, что Анархисты и другие подобные им банды были самым худшим в те двадцать лет. Но это не так. Конечно, все их боялись, все были запуганы, но, как правило, они никого не трогали, лишь бы вы вовремя платили дань и не причиняли им беспокойства.

Иное дело люди. *Нормальные* люди. Эти были намного хуже. Без законов и порядков каждый — мужчина, женщина, ребенок — был сам за себя.

Преступления и насилие оставались безнаказанными — не к кому было бежать за помощью, если вас избили или ограбили. Ни полиции. Ни судов и тюрем. По крайней мере, законных. Сосед крал у соседа. Громили магазины, разворовывали припасы, не заботясь о том, что в канавах голодают дети. Сильные брали верх над слабыми, а сильные (так бывает почти всегда) нередко оказываются дрянными людишками.

В такие времена человечество теряет веру. Не с кого брать пример, не на кого положиться, мы все стали крысами в канализации.

Возможно, Ас и правда был злодеем. Или, может быть, пророком.

Не исключено, что это почти одно и то же.

Так или иначе, но он и его Анархисты двадцать лет правили Гатлоном, и преступления и пороки были ключом, как нечистоты из засорившейся трубы. И Век Анархии мог затянуться еще на двадцать лет. На пятьдесят. Навсегда.

Но вдруг, будто совсем внезапно... забрезжила надежда.

Яркая и искрящаяся надежда, облаченная в капюшоны и маски.

Прекрасная и радостная надежда, обещавшая покончить со всеми бедами, исправить все мировое зло, обрушить всю силу правосудия на ваших недругов, а попутно еще и сделать строгое внушение пешеходу, нарушившему правила.

Горячая, многообещающая надежда, вдохновляющая нормальных людей на то, чтобы сидеть по домам в безопасности, пока здесь все не исправят. Не переживайте и не пытайтесь помочь себе сами. Вы и так натерпелись, прячьтесь и страдайте. Отдохните. Мы супергерои. *Мы берем это на себя.*

И у надежды появилось имя — Отступники.

ПРОЛОГ

Нова уже несколько недель собирала шприцы в узком переулке за их домом. Она знала, что родители их отнимут, если найдут, поэтому прятала свои сокровища в старую обувную коробку, вместе с отвертками, хомутиками, ватными шариками — словом, всем тем, что могло пригодиться для ее поделок. В свои шесть (хотя на вид ей можно было дать все семь!) лет Нова уже понимала, как важно быть изобретательной и запасливой. В конце концов, не может же она составить список необходимого и отправить папу с ним в магазин.

Шприцы ей пригодятся. Она с самого начала поняла, какая это полезная штука.

Нова закрепила на носике одного шприца тонкую пластиковую трубочку и опустила ее другой конец в стакан с водой из умывальника. Потянув за поршень, она набрала воды в шприц. Высунув язык в дырочку на месте недавно выпавшего зуба, девочка подхватила второй шприц и прикрепила к другому концу трубки, а потом, порывшись в коробке с инструментами, выудила кусок проволоки. Им вполне можно примотать шприцы к системе ры-

чагов, которые Нова смастерила на крыше своего кукольного дома.

Работа заняла весь день, но теперь, наконец, можно приступить к испытаниям.

Поставив кое-какую кукольную мебель на платформу подъемника, она нажала на поршень шприца. Вода побежала по трубке и выдавила второй поршень, приведя в движение сложную систему рычагов.

Платформа стала подниматься.

Нова улыбнулась.

— Гидравлический лифт. *Успех.*

В этот момент из соседней комнаты раздался плач, а за ним успокаивающий, баюкающий мамин голос. Нова оглянулась на закрытую дверь в спальню. Эви опять болела. У нее все время поднималась температура, а лекарство уже несколько дней как кончилось. Дядя Алек должен принести его, но когда? Может, только через несколько часов.

Услышав, что папа просит дядю Алека найти для Эви детский ибупрофен, Нова подумала было заикнуться о фруктовой жвачке (он дарил ей такую на прошлый день рождения) или пачке перезаряжаемых батареек.

С такими батарейками Нова много что смогла бы сделать.

Но папа, по выражению глаз поняв, что дочь собирается что-то попросить, так посмотрел на нее, что она притихла. Нова не совсем понимала, в чем тут дело. Дядя Алек всегда был к ним добр — приносил еду и одежду, а иногда даже игрушки, добытые за неделю, — но родители никогда не просили его сами, даже если очень сильно в чем-то нуждались. Если им нужно было что-то определенное, приходилось отправляться на рынок и выменивать, чаще всего на вещицы, которые делал папа.

В последний раз из такого похода папа вернулся с упаковкой многоразовых подгузников для Эви и рассеченной бровью. Мама сама зашивала ему рану. Нова наблюдала и невольно удивлялась: когда ее Медвежонок Долли порвался по шву, мама шила в точности так же.

Нова вернулась к своей гидравлической системе. Лифт чуть-чуть не дотягивал до второго этажа кукольного дома. Если бы она могла увеличить объем шприца... а можно подрегулировать систему рычагов...

Но плач продолжался и продолжался. Полы скрипели — это родители по очереди пытались убаюкать Эви, расхаживая с ней по квартире.

Скоро соседи начнут жаловаться.

Со вздохом отложив шприц, Нова встала.

Папа был в гостиной, он качал и подбрасывал Эви, одновременно пытаясь приложить влажную махровую салфетку к ее пылающему лбу. Через открытую дверь Нова увидела, как на крохотной кухоньке мама копается в шкафах, бормоча, что куда-то засунула яблочный сок — хотя все отлично знали, что никакого сока нет.

— Хочешь, я помогу? — спросила Нова.

Папа обернулся, глаза у него были мутными от усталости. Эви совсем зашлась криком, потому что ее не подбрасывали целых две секунды.

— Прости, Нова, — заговорил папа, качая ребенка. — Несправедливо просить тебя об этом... но если б она поспала хоть час-другой... ей обязательно нужно отдохнуть, а к этому времени, смотришь, и Алек подрос бы.

— Мне не трудно, — сказала Нова, протягивая к малышке руки. — Совсем.

Папа нахмурился. Иногда Нове казалось, что ее дар ему не нравится, хотя она не могла понять,

почему. Ничего плохого она ведь не делала, зато в квартире становилось тише.

Нагнувшись, отец бережно положил Эви на руки Нове и проверил, крепко ли она держит. Сестренка становилась все тяжелее — никакого сравнения с крошечным младенчиком, каким она была год назад. Теперь у нее были крепкие ножки, она молотила по воздуху пухлыми ручонками. Родители повторяли, что со дня на день Эви пойдет.

Нова присела на матрас родителей в углу комнаты и пальцами начала гладить шелковистые кудряшки Эви. Девочка докричалась до того, что по щекам у нее катились крупные слезы, а лоб был горячий, как натопленная печка.

Нова обложилась одеялами и подушками так, чтобы обеим было удобно, и большим пальцем стерла слезинки со щеки у сестры. Она позволила силе свободно течь сквозь себя. Легкое, нежное биение.

Плач прекратился.

Глаза Эви затуманились, веки потяжелели, ротик приоткрылся.

Вот и все, она уже спала.

Подняв голову, Нова заметила облегченный вздох отца. В дверях показалась мама, удивленная и обрадованная — пока не увидела, как Нова прижимает к себе малышку.

— Больше всего люблю вот так, — прошептала им Нова. — Когда она такая уютная, и... тихая.

Мамино лицо разгладилось.

— Спасибо, Нова. Надеюсь, когда она проснется, ей станет полегче.

— И нам не придется искать себе другую квартиру, — пробормотал папа. — Чарли выгонял жильцов и за меньшие провинности, чем плачущий ребенок.

Мама потрясла головой.

— Он не станет так рисковать, побоится рассердить твоего брата.

— Не знаю, — папа нахмурился. — Я больше не знаю, кто и что станет или не станет делать... Кроме того... мы и так уже много должны Алеку, и я не хочу, чтобы наш долг увеличился еще больше.

Мама ушла на кухню и принялась убирать пачки и банки, которые раскидала по полу, а папа подсел к единственному в квартире столу. Нова наблюдала, как он массирует виски, потом выпрямился и начал работать. Он задумал что-то новое. Нова не знала, что это будет, но ей нравилось смотреть, как работает отец. Его дар был намного интереснее ее собственного — он вытягивал нити энергии прямо из воздуха, соединял их и придавал форму, будто плел кружево из тончайшей золотой проволоки.

Это было очень красиво. Нову завораживало это зрелище — светящиеся волокна словно возникали из пустоты, воздух в комнате тихо гудел и вибрировал, но потом все стихало, постепенно гасло сияние, а в руках у отца, постепенно темнея, оставалось нечто осязаемое.

— Что ты делаешь, папочка?

Отец мельком взглянул на нее, и по его лицу будто пробежала тень. Это не укрылось от Новы, хоть он и улыбался ей ласково.

— Сам пока не знаю, — он говорил, а пальцы продолжали перебирать тончайшие металлические нити. — Но надеюсь, что так мне удастся хоть отчасти исправить тот ущерб, который я причинил этому миру.

Отец вздохнул так шумно, что это заставило Нову неодобрительно нахмуриться. Девочка понимала: есть вещи, о которых родители с ней не говорят, что-то дурное или печальное, от чего они пытаются

ее оградить. Это ее сердило. Иной раз удавалось подслушать их разговоры, долгими ночами, думая, что дочка спит, они могли обронить словечко-другое. Тогда они шептались о разрушенных зданиях и целых кварталах, спаленных дотла. Они приглушенно говорили о борьбе за власть и о том, что некуда спрятаться и опасности подстерегают повсюду, и о том, что из города можно было бы бежать, но насилие, кажется, захватило весь мир, и податься им некуда.

Всего неделю назад Нова услышала, как мама говорит: *«Он разрушит весь мир, если никто его не остановит...»*

Нова тогда хотела расспросить об этом, но знала, что получит в ответ расплывчатые отговорки, грустные улыбки, да уверения в том, что ей не о чем беспокоиться.

— Папочка? — начала она снова, понаблюдав за его работой. — У нас ведь все будет хорошо?

Призрачный медно-красный сгусток энергии вздрогнул и растворился в воздухе. Подавив вздох, отец поднял голову.

— Конечно, солнышко. У нас все будет прекрасно.

— Почему же у тебя всегда такой озабоченный вид?

Отложив работу, он откинулся на спинку стула, помассировал веки. На миг ей показалось, что отец вот-вот заплачет, но он открыл глаза, и все прошло.

— Послушай, Нова, — отец встал со стула и присел перед ней на корточки. — В этом мире много опасных людей. Но в нем много и хороших людей. Смелых. Как бы плохо ни шли дела, надо об этом всегда помнить. Пока в этом мире есть герои, у нас есть надежда, что завтра будет лучше, чем вчера.

— Отступники, — прошептала она с замиранием.

Лицо отца осветила слабая улыбка.

— Отступники, — подтвердил он, кивая.

Нова прижалась щекой к мягким кудряшкам Эви. Отступники в последнее время помогали всем, казалось, они успевают повсюду. Один из них настиг воришку, который вырвал сумку у миссис Огилви. А еще Нова слышала, что Отступники проникли на склад одной из бандитских шаяк и передали всю еду тайному детскому приюту.

— А нам они помогут? — спросила девочка. — В следующий раз мы можем попросить у них детское лекарство.

Отец отвернулся и покачал головой.

— Мы не так сильно нуждаемся в их помощи, как другие люди в городе.

Нова наморщила лоб. Она не могла себе представить кого-то, кому помощь нужна больше, чем им.

— Но, — продолжил папа, — когда они будут нам нужны... *по-настоящему* нужны, они придут, понимаешь?

Он облизал губы и добавил, с надеждой, но не очень убежденно:

— Они нас обязательно защитят.

Нова не ставила его слова под сомнение. А как же, они ведь все супергерои. Все они добрые.

Нащупав пухлые пальчики Эви, она принялась бездумно перебирать их, вспоминая все слышанные ей истории. Отступники вытащили шофера из кабины перевернувшегося грузовика. Отступники остановили перестрелку на рынке в соседнем квартале. Отступники спасли ребенка, упавшего в залив Хэрроу Бэй.

Они помогали всем и везде, всегда появляясь в нужный момент. Вот что они *делали*.

Может быть, думала Нова, когда отец снова взялся за работу — может быть, они просто дожидаются

подходящего момента, чтобы внезапно появиться и помочь им, как помогали другим.

Девочка не могла отвести глаз от рук отца. Не отрываясь, она наблюдала, как его пальцы вытягивают из воздуха новые нити, лепят, придают им форму.

У нее и самой отяжелели веки.

Даже заснув, она видела папины руки, только теперь он ловил падающие с неба звезды и собирал из них мерцающее золотистое ожерелье...

В дверь постучали.

Нова проснулась как от толчка. Эви запыхтела и скатилась с ее коленей. Не понимая спросонья, что происходит, Нова села и потрясла онемевшей рукой, вытянув ее из-под головы у сестренки. По комнате двигались тени. Из коридора доносились тихие голоса. Папин, взволнованный и напряженный. Мамин, повторявший шепотом, *пожалуйста, пожалуйста...*

Нова сбросила одеяло, которым кто-то прикрыл ее во сне, завернула в него Эви, а сама тихонько прошла мимо стола, на котором одиноко лежал медно-красный браслет тончайшего плетения — изящная оправка для драгоценного камня, которому еще только предстояло занять свое место.

Добравшись до двери, она тихонько повернула ручку и чуть приоткрыла дверь, так, чтобы увидеть сквозь щелочку, что происходит в темном коридоре.

В прихожей стоял человек — небритый подбородок, светлые волосы стянуты на затылке в жидкий хвостик. На нем была плотная куртка, хотя погода стояла совсем не холодная. В руке он держал пистолет.

Безразличным взглядом он скользнул по Нове, и она, съезжившись, отшатнулась, но мужчина вновь повернулся к ее отцу, словно и не заметил девочку.

— Это недоразумение, — сказал папа. Он стоял между мужчиной и мамой Новы. — Дайте мне с ним поговорить. Я уверен, что смогу объяснить...

— Никакого недоразумения нет, — ответил человек. Он говорил низким и спокойным голосом. — Вы обманули его доверие, мистер Артино. Он этого не любит.

— Прошу вас, — заговорила мама. — Здесь дети. Умоляю, имейте сострадание.

Человек наклонил голову, чуть-чуть, переводя взгляд с папы на нее.

У Новы в животе все сжалось от страха.

— Позвольте мне только поговорить с ним, — повторял папа. — Мы ничего не сделали. Я предан ему, клянусь. И моя семья... прошу вас, не трогайте семью.

На какой-то миг Нове показалось, что тот человек может улыбнуться, но он не стал.

— Я получил вполне четкие распоряжения. Не мое дело задавать вопросы... или иметь сострадание.

Отец шагнул вперед.

— Уведи девочек. *Иди.*

— Дэвид... — всхлипнула ее мать, отходя к двери.

Она не успела сделать и шага, как незнакомец поднял руку.

Выстрел.

Нова ахнула. Кровь брызнула на дверь, несколько капель попали ей на лоб. Не в силах шевельнуться, она смотрела, как отец с криком бросился к жене. Он поднял ее с пола. Его била дрожь. Мама хрипела, она задыхалась.

— Не оставлять в живых никого, — сказал человек спокойно и невозмутимо. — Такой мне дали

приказ, мистер Артино. Вините в этом только себя самого.

Отец заметил стоящую у двери Нову. Его широко раскрытые глаза были полны ужаса.

— Нова. Бег..

Второй выстрел.

На этот раз Нова закричала. Отец упал рядом с телом мамы, так близко, что девочка могла бы протянуть руку и дотронуться до них обоих.

Она бросилась в квартиру. Вбежав через кухню к себе в комнату, она захлопнула дверь. Рывком открыла свой шкаф. Перебралась через книги, инструменты и коробки, беспорядочно сваленные на полу. Закрыла дверцу за собой изнутри и скорчилась в углу, судорожно хватая ртом воздух. Каждый раз, прикрывая глаза, она видела лежащих на полу родителей. Слишком поздно ей пришлось в голову, что нужно было бы бежать по пожарной лестнице. Слишком поздно.

Слишком поздно она вспомнила:

Она оставила Эви одну.

Она забыла там Эви.

Судорожный вздох слился у нее в горле с криком ужаса, и она попыталась подавить их оба. Рука потянулась к дверце шкафа, и Нова уже прикидывала, насколько быстро у нее получится добежать до гостиной и вернуться, есть ли у нее шанс вынести малышку, оставшись незамеченной...

Не успела она об этом подумать, как дверь из прихожей скрипнула.

Тихонько взвизгнув, Нова зажала рот рукой.

Может, он не заметит Эви. Она ведь продолжает спать.

Она слышала медленные, тяжелые шаги. Скрип половиц.